



Женя Маркер

# Соточка



Кружка водки, рюмка чая

Женя Маркер

**Соточка. Кружка  
водки, рюмка чая**

«Издательские решения»

## **Маркер Ж.**

Соточка. Кружка водки, рюмка чая / Ж. Маркер —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935037-4

Выпьем по «соточке», наркомовские «сто грамм», рюмочка не помешает, между первой и второй промежутки небольшой — каждый мужчина слышал эти фразы, за которыми идёт хорошая беседа, интересные воспоминания, приятные разговоры. В этой книге собраны застольные рассказы товарищей — добрых собутыльников автора. Смешные и грустные, поучительные и флиртующие, они отражают в первую очередь мир мужчин. Но не забывают и женщин...

ISBN 978-5-44-935037-4

© Маркер Ж.  
© Издательские решения

## Содержание

От автора...	6
Ага	7
Бандана	9
Барсетка	14
Беда	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# Соточка Кружка водки, рюмка чая

**Женя Маркер**

*«Не ври больше, чем тебе могут поверить»  
известный автор*

*Дизайнер обложки Маркер Женя  
Корректор Евгений Августович Кащенко*

© Женя Маркер, 2018

© Маркер Женя, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-5037-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## От автора...

«Накатим по соточке?!» – именно так говорят друзья и знакомые, с которыми я провожу время в пятницу вечером. Мы выпиваем в меру сил и сознание освежается, мысли выстраиваются колоннами и слова летят шеренгами у каждого, кто умеет говорить. В этом алкогольном строю есть место воспоминаниям, шуткам, тостам, анекдотам и байкам. Именно байки и рассказы из жизни моих знакомых и друзей после выпитой кружки водки или рюмки чая, легли в основу этого сборника.

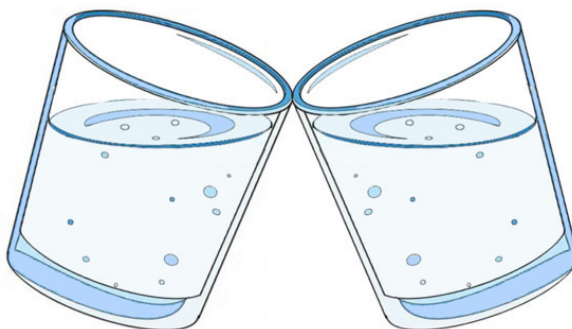
В каждом рассказе есть упоминание алкоголя или любого иного бодрящего напитка: чая, кофе, пива, сидра. В этом заключается отличие данной моей книги от всех остальных. Оказалось, что четверть моих рассказов и сказок не обошли эту скользкую тему для не пьющих. 6 десятков рассказов – в одной книге, как шестьдесят прожитых мной лет.

При издании современной литературы авторами заполняются графы возрастных ограничений, которые позволяют детям, подросткам или взрослым читать книги. Там есть вопрос: «В вашей книге содержится описание алкоголя, табака или их употребления?» Стоило мне поставить галочку перед ответом «Без осуждения и указания на опасность их употребления», как возрастной ценз из детского мгновенно превратился во взрослый.

Получается, что эту книгу можно читать совершеннолетним мужчинам и женщинам в любом состоянии и с любой страницы. Рассказы в основном небольшие, часто весёлые и добрые. Многие из них мне наговорили замечательные люди, которые порой и оказались прототипами главных героев: Анатолий, Александр, Геннадий, Сергей, Николай, Владимир, Слава, Ваня, Пётр, Анюта, Надежда, Юрий, Игорёк и другие. Спасибо вам большое! Я сознательно разместил ваши байки и воспоминания не друг за другом, а по названиям. Так тексты превратились в самостоятельные произведения, которые уже принадлежат всем, а не только моим друзьям.

Конечно, я преврал, когда из великолепных опусов рассказчиков создавал письменный вариант разговорного текста. А как иначе? Слова вслух отличаются от буквочек на бумаге. Простите меня, мастера разговорного жанра, за это! Потому и авторство себе приписываю. Не бейте сильно, всё-равно за рюмкой чая пожмём друг другу руки.

Итак, есть предложение, подкупающее своей новизной: пора освежить сознание!



*По соточке!*

## Ага

– Знай край, но не падай. Так говорил мой комбат, когда я в стройбате служил. Ага. – Немолодой мужчина без единого седого волоска на красивой голове поправил съехавшую чуть набок широкополую шляпу. Из-за слова паразита «ага», которое он упоминал довольно часто, к нему приклеилось прозвище «Ага». Рассказчик при случае и султаном себя нарекал, и гастарбайтером, но окружающие неизменно звали его не иначе, как Ага.

Сегодня Ага решил рассказать небольшую историю своей далёкой армейской молодости. Иногда он задумывался на секунду, вспоминая события, имена, потом уверенно продолжал короткими фразами.

– Был в нашей части майор Неполов. Николай Ильич. Вот был мужик хороший да простой! Ещё из фронтовиков. То поколение. Ага. Все понимал и меня уму разуму учить пытался. Я тогда командиром взвода в стройбате служил в звании старшего сержанта. Солдат, а на офицерской должности. Тогда по три года в армии служили, а я – кандидатом в члены партии в часть прибыл. Немного позже меня членом комитета комсомола избрали. Должность у меня офицерская, а жил я в части. Дежурным вместе с офицерами по графику ходил, подменял даже некоторых. Они мне доверяли почему-то. Ага. Коптерочка у меня своя была. Мы там могли вдвоём-втроем водочки попить, винца.

Так вот, Неполов приходил ко мне и говорил, когда мы за бутылочкой вместе сидели: «Не называй меня „товарищ майор“, да и Николаем Ильичом не надо. Зови по-простому: Ильич!..»

– Я двадцать четыре рубля получал жалованье. А это немало по тем временам, когда живёшь на полном довольствии. Так вот история моя, как раз про деньги. Позвонили как-то из финчасти забрать месячное довольствие личного состава. Отправились мы втроем: я, Гиви – мой хороший товарищ, который водителем на ЗиЛ-130 в то время работал, и лейтенант Жирков. Все ребята хорошие, ага, весёлые. С Гиви Мурандошвили с учебки мы вместе. Я его, пока взводным служил, до сержанта подтянул. А Жирков – холостяк, не раз ко мне в коптерочку забегал, водочки выпить. Хороший парень, азартный. Получили мы деньги, я – свои 24 рублика, Жирков – на всю часть портфель денег. Поехали обратно. Едем в кабине довольные, счастливые, что дело сделали. Вечер наступает. Ага. Тут мои попутчики предлагают выпить и бутылочка водочки у них уже есть. Верно, Жирков купить успел. Я отказываюсь и им запрещаю. Как приедем, говорю, лучше у меня в коптерочке засядем. Спокойно и тихо. Едем дальше, а ребята перемигиваются. Где-то, через десять минут машина останавливается. Смотрим, а она закипела. Жирков деньги на всех получал. Ему отлучаться нельзя. Гиви вокруг машины суетится. Я сам пошёл с ведром за водичкой. Приношу, а они уже тепленькие, бутылочку допили. Что делать? Уже нечего! Едем дальше. Смеркается, проезжаем мы деревню. А там огромная отара с пастбища возвращается. Совсем неожиданно какая-то овца на дорогу соскочила, а за ней остальные животные рванулись. Гиви быстро тормозит, а поздно – под колёсами ЗиЛка уже овцы мечутся. Выходим мы из машины. Глядь, а четыре овечки уже улетели в мир иной. Мы их к тому подтолкнули.

Ага потер руки, вздохнул как-то грустно, о чем-то своём задумался и продолжил.

– Местный народец нас окружил, кое у кого колья в руках. Наступают на нас нехорошо. Грозные ребята деревенские. Благо девушки там были, вступились за нас. Не трогайте, говорят, солдатиков. А я и Жирков в обычных плащ-накидках, погон наших под ними не видно. У Гиви погоны тогда ещё рядового были. Что делать? Меня Ильич как учил: чужое увидишь – не бери; перешагни и иди, богаче не будешь... Говорю парням своим, что надо расплачиваться. Грузин мой на лейтенанта насел, понимая, что сам виноват. За рулём же был, гаденыш пьяный, когда овец давил. Просит он у Жиркова денег рассчитаться с деревенскими. Обещает, что родителям

телеграмму даст, и они через день переводом долг пришлют. Мамой, говорит, клянусь! Лейтенант тоже не трезвый, деньги из портфеля вытащил. Хотя делать это категорически нельзя. Пересчитал, много говорит задохлых овец просят, может скинуть цену-то... Девушки на своих парней поднаесли, убедили вполтину запрошенную сумму скостить. В общем, расплатились мы, и дальше поехали. По дороге ребята протрезвели, конечно. Решили никому ничего не рассказывать, замять это дело по-хорошему. Гиви не подвёл, через пару дней денежный перевод получил и рассчитался полностью. А я только и успевал от Ильича отмахиваться – без происшествий мы добрались до части, и все тут. Ага.

## Бандана

В это утро Гоша напевал строчку Сергея Есенина: «Все прошло, как с белых яблонь дым». За чаем и в коридоре, одеваясь, он бубнил слова известного романа.

Гоша часто просыпался со словами песни в голове, или строками стихотворения, которые непонятно, как попали в голову с подъемом. Каждый человек в своей жизни испытывает это необъяснимое состояние, с которым напевает себе под нос куплет или твердит одинокую строфу. Понятно, когда их подарили за завтраком в эфире радиопрограммы или утренней передачи по телевидению. А когда подсознание выдало непредсказуемое? Объяснить себе это Гоша не мог и пошел на работу – рисовать.

Холодный ветер немилосердно лез под кожаную куртку и вольно гулял по синей коже, которую тут же мгновенно покрывали мелкие пупырышки от нежеланной по времени года температуры.

Зябко. Ранний осенний морозец жжет пальцы, глаза попеременно слезятся, но карандаш уверенно скользит по бумаге. Гоша рисовал шарж клиенту; вернее, веселенький портрет, как он называл то, что у него получалось на бумаге.

И не портрет, и не шарж. Так, полупортрет-полушарж. А люди покупают!

Случайный подвыпивший приезжий решил сегодня запечатлеть себя на фоне местных фонарей, и Гоша согласился, не раздумывая. В такую погоду радуешься любому клиенту. Вполне возможно, этот сербский парень будет единственным за день. Разговоры о том, о сём, несколько последних анекдотов скоротали те двадцать минут, пока работал художник.

Характерный образ югослава лет тридцати с горбатым носом и тонкими упрямыми губами, слегка волнистыми волосами и мелкой щетиной на щеках оттеняли замечательные карие глаза, в которых лучился свет молодости, желание подвигов, стремление к красивой, долгой, богатой жизни. Любому художнику интересно работать с глазами – не только зеркалом души, но и портретом судьбы. В них все: прошлое, настоящее, будущее, – важно уметь это заметить и изобразить...

– Вот, смотри, дорогой! – Гоша повернул рисунок парню. Тот взял лист в руки, посмотрел внимательно, и сунул пару купюр в руку художника.

– Совсем не похож! Да... – неуверенно ответил гость города, но рисунок забрал. Дал, правда, денег мало. Но синяя гусиная кожа вмиг превратилась в нежно-розовую, когда Гоша получил гонорар за свою работу.

Что такое двести рублей в наше время? Копейки! В лучшем случае можно купить бутылку водки, а это не много не мало, как 1000 килокалорий. Жить можно, но сложно. Скорее, выживать в этот ноябрьский вечер, и вспоминать былые времена.

«Странное дело, – подумал Гоша, – рисуешь человека абсолютно похожим, а он не доволен. Отдаешь ему портрет приукрашенный, надуманный, порой с иной внешностью, где схожестью почти не пахнет, и тот рисунок берет „на ура“».

С каждым годом ему становилось сложнее нести участь свободного художника. Немного осталось на улице друзей из старой гвардии. Те, кто сегодня рисует рядом, совсем не те; они и держатся особняком.

Одиночки.

Нет былых веселых заводил, пропали мастера кисти и карандаша, не собираются компании после работы. Пролетели замечательные мгновения, когда за трояк или пятерку Гоша рисовал черно-белый или цветной рисунок. И этих денег хватало с лихвой на жизнь...

Он взял под мышку планшет, поправил на груди рекламную картинку и медленно побрел по улице, заглядывая в лица редких прохожих:

– Нарисуемся? – спрашивал он у встречаемых, но в ответ слышал «спасибо» в лучшем случае или направление в эротическую прогулку.

Гоша остановился у «Чебуречной», заглянул в пустое заведение. Никого...

Есть хотелось. Желудок давно подвывал мелодию желаемого с утра мясного бифштекса, разбавляя сознание утренним романсом на стихи Есенина. Но финансовая составляющая жизни художника рисовала ужин гораздо прозаичнее. Чебурек, соленый огурец и водка – традиционный ужин этой осени.

После третьей рюмки воспоминания унесли Гошу в конец прошлого века. В те золотые годы его гонорара хватало на беззаботную жизнь с портвейном и закуской даже при одном клиенте в день. Не говоря уже о хорошем заработке тогда, когда модели одна за другой меняли друг друга, за спиной звучали аплодисменты зрителей отличному портрету или шаржу, и вечером он падал от усталости.

Гоша считал абсолютно нормальным для себя ужин в ресторане на соседней улице, где его хорошо знали; там же можно было потанцевать с милой сердцу девушкой, или сыграть в бильярд с Архитектором. Тот был орел – еще старой закалки. На белом поле рублевой купюры шариковой ручкой рисовал на спор портрет клиента, и благодаря этому мастерству и знаменитой фамилии (он разборчиво расписывался на банкноте «Левитан») всегда был при деньгах. Подойдет внезапно к прохожему, представится, и предложит нарисовать на пятерке за три минуты шарж на него. И правда, сотворит чудо в миг, и берет за работу червонец! Или тройак с рисунком-шаржем на пятерку так обменивал. Был мастер мгновенного классического шаржа в одну линию.

Жаль, спился старик. Хотя и крепким был, не в пример нынешним...

В девяностые годы инфляция показала себя в полной красе. Тогда рисунок стоил миллион рублей! Звучит-то как! Фантастически! Вспомнить трудно, как пересиливали художники себя и называли клиентам такие несусветные цифры.

– Не слабо рисовать, как итальянцы?! – говорил тогда Маэстро, отработав одно лето за границей, на Кипре и в Сицилии. Как он рассказывал, жизнь пронесла художника-портретиста по Горьковским местам, где он рисовал отдыхающих капиталистов обычным пролетарским карандашом. Классическая техника портрета приносила ему высокий доход. Домой Маэстро вернулся в хорошем костюме, со счетом в валюте и с упитанной физиономией. В Италии тех лет лиры бешеными цифрами ходили по рукам так же, как сегодня в нашей стране доллары или евро. Несколько ребят ринулись на следующее лето за рубеж и многие вернулись домой вполне успешными. Заработок в валюте виделся им перспективнее, чем в рублях, которые таяли в руках быстрее, чем апрельский снег.

Гоша с визой и паспортом тянул долго, а потом и вовсе не поехал. Не все ладилось в его жизни, трудно было в стране. Тогда-то он впервые задумался о том, что выжить на городской панели не всем просто. И будущее впереди показалось не таким радужным, как казалось сначала.

Молодым выпускником Репинки он вышел рисовать на улицу и осел в свободной, богемной среде на долгие годы. Легкие деньги любят все, и Гоша не стал исключением. Легкие – для него, но не для тех, кто не умеет рисовать. Молодой художник визжал от восторга, когда в первый же летний рабочий месяц заработал больше отца-преподавателя института и матери – терапевта в районной поликлинике.

Тогда и решил: буду уличным художником! С дипломом театрального оформителя найти высоко оплачиваемую работу показалось ему невозможным, а заработки на улице мгновенно превратились в новый итальянский этюдник, отличные кохинуровские карандаши, наборы пастели, мастихины и многую другую мелочевку, о которой он давно мечтал.

Небольшого роста, чуть сутулый от природы, с мясистой мочкой носа, как у актера Ефремова, Гоша выделялся на общем фоне художников еще и большими залысинами на высоком

лбу. Он прикрывал их сначала шляпой, потом кепкой, и, в конце концов, бандана серого цвета крепко обвила уже лысую голову и он с ней не расставался. Так и кличка к нему прилипла «Бандана», на которую Гоша легко и быстро стал отзываться.

Сегодня Гоше-Бандане откровенно не везло. Он грустно оценивал день за днем, анализируя и прошлые недели. С обеда никто не реагировал на его рекламу, кроме этого подвыпившего парня из Сербии. Ни один клиент не захотел рисоваться, никто из прохожих даже не спросил цену его работы.

Гоша жевал чебурек и смотрел в окно. Он не первый день ходил в это бюджетное кафе и сегодня уселся за любимым столиком, выпил и смотрел, как по пластиковому окну ползла муха. Обычная черная муха, каких в теплые времена полным-полно вокруг. Гоша перестал жевать чебурек, и муха тут же остановилась, потеряла лапки, как будто греясь от мороза за стеклом. Посмотрела по сторонам, сделала несколько шагов вперед, рисуя по запотевшему стеклу насекомые пейзажи своими лапками-маркерами, и вдруг резко притормозила. Гоше показалось, что огромные глаза мухи уставились на него, и внимательно изучают собрата по художественному мастерству.

Облака над мухой плыли с удивительной скоростью, и каждое из них отражало свое видение жизни на земле: чуть светлые сверху и немного приглушенные ретушью снизу, они напоминали зверей или рыб, птиц или людей в объятиях. Прямо перед глазами над крышей соседнего дома плыли облака-солдаты, которые шеренгами наступали по всему фронту. Спрашивается, зачем они воюют? С кем? Рядом мирно шествовали цветы и деревья, пробивалось сквозь облака заходящее солнце. И Гоша не находил ответов на свои вопросы.

Похоже, что ситуация менялась так, как и предполагали старшие его друзья...

Вспомнилось, как однажды они с Гариком, Маркером и Маэстро пили после работы пиво и разбавляли его водкой. Мух тогда было вокруг, что звезд в ночном южном небе. День прошел хорошо, все подзаработали, а Маркер вдобавок проставлялся. В последние три года он вечно находил повод угостить друзей, и поводы у него были красивые: новое звание, защита диссертации, окончание школы дочери. Часто Гоша спрашивал себя: «Что этот мужик с профессорским званием делает на улице?» И сам себе отвечал: «Затягивает наша жизнь...»

– Парни, надо искать себе что-то новое, – сказал тогда Гарик, терзая огромного леща, подаренного земляками-ростовчанами. Эту закуску каждый год ждали все его друзья весной, в рыбный сезон. – Мэрия или департамент, менты или кто еще выживут нас с улицы. Точняк!

– Не дрейфь, – сказал тогда Маркер, разливая водку в пластиковые стаканы. – Мы будем пастись по корпоративам. А они вечны! Мы говорим «праздники», подразумеваем «корпоративы». Мы говорим «корпоративы», подразумеваем «праздники»! По соточке?

Все тогда поддержали его, посмеялись.

Маркер на работу ходил рисовать день через день, и где-то еще находил корпоративы с хорошей оплатой. Это он пять лет назад водил Бандану устраиваться на компьютерную фирму иллюстратором, но ежедневную работу от обеда до упора Гоша протянул с неделю и бросил: что может быть лучше свободы и независимости от начальников?!

С годами корпоративная жизнь влилась в один сплошной черный и мелкий арык, как обозвал ее Маэстро. Праздников становилось меньше, художников приглашали реже и реже. Борода – новый парень из художественной братии, родом из Средней Азии – первым создал собственный сайт и принялся продавать друзей-художников на любые корпоративы за смешные деньги. Сам он рисовал слабенько, а пиарить научился быстро. Большую часть денег забирал себе, а меньшую отдавал тем, кто непосредственно трудился с карандашом на свадьбах, праздниках, юбилеях.

– А что делать? – не раз говорил на улице Гоша. – Какие-никакие, а деньги он дает... Жить можно... Правда, сложно. Но кто говорил, что будет вечно легко?!

Муха за окном посмотрела внимательно на Гошу, мотнула своей несурзной головой, как бы осуждая художника, и закружилась в стороне. В верхней части окна. Гоша – последний из той компании с лещом и пивом, кто ходит на улицу рисовать. Может и эта муха – единственная, кто выжил с прошлогодней весны? И она его запомнила?

Маэстро осел в Европе, Маркер ушел в науку, Архитектор спился, Гарик погиб в автокатастрофе.

Гоша рассматривал следы на оконном стекле, пил водку и думал: «Вот пройдет зима, помойт стекла и не останется от мухи ничего в этом мире. И у меня не осталось ни работы, ни семьи, и забудут меня быстрее, чем я – эту муху».

Он впервые почувствовал страшную усталость. Усталость от работы художника, от уличной жизни, от прожитых лет, где ничего не нажито, нет жены и детей, нет выставок и признания. Почему-то впервые он почувствовал стремительное движение времени. Неуклонное движение в никуда, к концу, в бездну...

Шесть лет назад умер внезапно отец, в начале этого года – мать. Квартира в городе своя теперь есть, а семьи нет. Спешить не к кому...

Когда-то была жена и любовница. Теперь никого.

Гоша вспомнил, как Тома – его бывшая жена – рассказала ему анекдот про мужа, которому рогатая жена слала телеграммы: «Спи дома!» А тот не мог найти ложки и вилки в своей квартире, чтобы пообедать. Когда жена из анекдота вернулась, то показала под одеялом в супружеской спальне аккуратно сложенную посуду, чем и уличила мужа из анекдота в неверности.

У Гоши ситуация оказалась еще курьезнее. В день отъезда жены к родителям он вернулся с работы домой, усталый, как собака. Пытался полчаса открыть собственную дверь, пока не понял, что Тома закрыла квартиру на нижний замок. Этот английский механизм они редко использовали; чаще в сезон отпусков, когда уезжали надолго. Гоша ключ от английского замка с собой не взял, забыл. Свою же дверь ломать в час ночи глупо. И отправился он к давней подруге, которая пустила, накормила, успокоила и тихо-тихо увела из семьи. Правда, не на долго.

Через пару лет не было рядом ни жены, ни любовницы...

Телефонный звонок вернул его из воспоминаний и размышлений в сегодняшний день, в «Чебуречную» к рюмке, купленной на последние деньги. Звонил Виталий Сергеич – заместитель директора военного института. Когда-то его дочери Гоша рисовал портрет перед выпускными экзаменами из школы. Сегодня полковнику понадобилось дюжина-другая портретов маслом русских полководцев. Цены городские художники в мастерских заламывали такие, что армейский бюджет не выдерживал. Тут Сергеич и вспомнил о Гоше, предложил ему устроиться на временную работу, где платить будут только за портреты маршалов и генералов. Ходи на работу, не ходи – не важно. Главное – написать портреты! Хорошие предложения всегда появляются вовремя, и Гоша вмиг согласился.

Он допил свою рюмку одним махом и скорым шагом направился домой: готовить краски, искать мастихины и точить карандаши. Жизнь приобрела радужный оттенок, и художник не шел – летел к своему будущему. Водка подыгрывала настроению, заставляя порой спотыкаться и слегка покачиваться. На ступеньках в подземном переходе за несколько десятков метров до желанного метро Гоша не удержал равновесие, поскользнулся и упал, чуть не стукнувшись затылком о гранит.

Лет десять назад в этом месте сидел бомж – Васёк. Проходим он виделся древним безногим стариком, вызывая сочувствие судьбе бездомного, кинувшей мужика собирать подаяние на улице. Васек часами сидел с закрытыми глазами на своей ступеньке и мерно покачивался, можно было подумать со стороны – медитировал. А на самом деле он мерно спал. Гошин этюдник стоял в трех метрах от нищего. В свободное время художник часто наблюдал

за колоритным персонажем в шляпе, из-под которой торчали длинные нечесанные светло-каштановые космы. Гоша и несколько других обитателей этого подземного перехода точно знали, что Васёк отлично ходит. Как только к концу дня мелочь в бумажной коробке из под обуви набиралась до определенного уровня, Васёк оглядывался по сторонам. Потом резво вставал, оправляя драный, бордовый пиджак не по росту, скрывающий короткие ноги, и шустро летел в ближайшую подворотню. Там такие же бедолаги складывались, отправляли самого прилично одетого в ларек за выпивкой и предавались банальному пьянству.

Место на ступеньках Васька считалось нехорошим. «Гадким» называл его Гоша. Все потому, что одна ступенька, где сидел бомж, была на сантиметр выше остальных и спотыкались там многие... Столько лет по ним ходил художник, а тут забыл! Он мгновенно протрезвел при падении, быстро поднялся и отряхнул рукава кожаной куртки, поправил съехавшую на левое ухо бандану, вздохнул глубоко и медленно, спокойно пошел домой. Впереди маячила новая жизнь с портретами полководцев.

А старая прошла, «как с белых яблонь дым»...

## Барсетка

На южном побережье моря время сиесты лучше всего проводить в тени, за бокалом хорошего вина, под тихо урчащим кондиционером, который гоняет холодный воздух по нагретой за день комнате.

Две дамы, зрелых, как сладкие персики лет, как и большинство жителей приморского городка, коротали время до вечернего пляжа в разговорах ни о чем, с болгарской брынзой и холодным арбузом, с бокалами «Pinot noir» 20013 года, поддерживая милую домашнюю атмосферу.

Одна из женщин, с длинными и черными, чуть выющимися, тонкими волосами и острым взглядом оливковых глаз внимательно слушала собеседницу. Рассказ второй – невысокой хрупкой шатенки в круглых очках и лёгкой бежевой тунике, периодически прерывался хохотом и ударами молотка за окном: детвора вскрывала миндаль во дворе и смеялась у бассейна.

– Первый раз я летела сюда одна. Чартерный рейс, жара, очереди на таможенном контроле, всё, как обычно, в нашем аэропорту. Неожиданно на глаза мне попадает крупный, чтоб не сказать толстый такой мужчина, бритый, как браток из сериалов, с одной лишь барсеткой в руках. Точнее, не он мне попадает, а не заметить такого, чуть выпившего в обед, колоритного великана с хитрыми глазками-бусинками, казалось, просто невозможно. Наши взгляды случайно пересеклись, и я в тот момент подумала: «Не дай бог, оказаться с ним рядом в одном самолёте. Раздавит!»

В салоне я заняла своё место у окна и огляделась. Детей было мало, соседи впереди и сзади казались спокойными. Всё предвещало хороший, мирный полет. Вдруг по проходу меж кресел движется этот великан, бугай, верзила, не знаю, как правильно его назвать, подходит прямо ко мне и говорит с хитрым прищуром: «Признайтесь, а вы не хотели, чтобы я сел именно здесь?»

Сказал и сел, заполнив собой полсамолета! Огромный, он еле поместился в двух креслах, прижал меня к окну, тут же пригласил к себе стюардессу и заказал коньяк. Весь полет этот пассажир добавлял и добавлял виски, коньяк, не помню, что ещё, но милая девушка в форме ни в чём ему не отказывала! Наверное, боялась. Рост и вес этого кинг-конга мог смутить любого, не то, что хрупкую стюардессу.

А мужчина пил и пил, проваливался в сон, заказывал ещё спиртное и пил. В перерывах успел рассказать, что вчера отправил жену и бухгалтера в столицу, сегодня летит туда сам. Владеет крупной строительной фирмой и его ждёт впереди отличный проект. Узнал, что я работаю психологом и напросился на консультацию. Мы умудрились познакомиться, пока он читал мне стихи, поругаться, когда он вылил нечаянно виски на моё платье. Представляешь, он пьяно и рьяно принялся извиняться, открыл свою пухлую барсетку и предложил мне деньги! Там, в его сумке, евро ногами упакованные, лежали тысячами, наверное. Суёт мне крупные купюры в пачках и говорит:

– Бери. Сколько хочешь, бери!

– А ты? Сколько взяла? – у собеседницы загорелись глаза, она даже взяла за руку подругу. Но та спокойно ответила.

– Ничего я не взяла. Как? У пьяного человека брать деньги? Протрезвеет, заявит, что обокрала и...

– Тебе же деньги нужны! У самой проект требует больших инвестиций.

– Так все вокруг думают. Там, в салоне девицы головы повернули в нашу сторону и принялись этого богатея к себе звать. А он хитро так им улыбается, машет пальчиком, и сидит со мной рядом. Не уходит...

В какой-то момент упал у него мобильник на пол. Представляешь, с его животом и под креслами в самолёте искать Айфон последней модели? Я и то с трудом достала этот телефон, и в барсетку ему упаковала. Не по карманам же к нему сонному лезть? А барсетка – вот она, лежит на моих коленях.

Так и летели до столицы.

Вышли из самолёта, отдала я ему барсетку, сама отошла в сторону. Народ кучкуется у выдачи багажа, я – счастливая, что никто меня в окно самолета не вдавливают, жду свой любимый итальянский чемодан цвета морской волны, и наблюдаю за людьми в силу своей профессии. Вижу, суматоха какая-то началась в зале, персонал снуёт повсюду. А мой толстый сосед руководит этой суетой. Меня увидел, кричит на весь зал:

– Верни мой мобильник!

Это меня поразило больше всего! Не на деньги я, а на телефон, по его мнению, позарилась. Подхожу я к этому верзиле, вырываю из его рук барсетку, открываю и показываю «утерянный» телефон поверх денег. Мужчина в шоке. Лезет целовать руки, извиняется, и вновь предлагает свои евро.

– В этот раз ты, конечно, взяла?

– Нет.

– Не темни очками, подруга!

– Сейчас жалею. Надо было взять, чтобы наказать этого кретина, который испортил мне первый перелёт в новую страну. Ну, да ничего. Случай запомнился. Все, что не делается, как говорят, к лучшему. Дом я купила, центр свой открыла...

Собеседница недоверчиво покачала головой:

– Было время, когда удивляла наглость, теперь поражает хорошее воспитание...

## Беда

Сергей Дмитриевич Поруганов сидел в широком кресле, обитом белым дерматином, и спорил со своим бывшим сокурсником по военной академии Сашей Меклером.

– Ты абсолютно не прав! Мы должны... – степенно напирал Поруганов. – Нет! Мы обязаны гордиться нашей страной, где замечательные достижения последних лет сделали из отсталого государства супердержаву, с которой считаются все страны!

Прошло четверть века с той поры, как они сидели за одной партой в аудиториях и списывали конспекты друг у друга, играли в футбол после занятий, покупали пиво трехлитровыми банками и чувствовали себя молодыми и счастливыми.

– Ты не прав, дружище... – Саша говорил спокойно и тихо. За эти годы он пополнил, приобрел не только солидный вид, но и одышку, которая мешала говорить так же бойко и скоро, как четверть века назад. – В этой стране случилось нечто необъяснимое, что ты не видишь из окна своего «ролс ройса». Мы оказались совершенно в иной стране! С иными людьми...

– Да, ничего не изменилось! Люди, предприятия, наука напрягались все эти годы и смотрятся сегодня лучше, чем никогда прежде...

Поруганов занимал ответственный пост в серьезной коммерческой структуре, где дорожили его мнением, прислушивались к тому, как оценивает он окружающих и редко перечили. Высокий, седовласый с глубоко поставленными зоркими глазами, он смотрел на человека так, как будто уже прочитал резюме собеседника, и все знает наперед. Понимающе кивал головой на тонкой шее всякий раз, как оппонент начинал говорить, но тут же вступал в спор, горячо и категорично отстаивая свою позицию. В безупречно выглаженной рубашке без галстука, швейцарских часах и элегантных запонках в тон им, Сергей Дмитриевич с широкой улыбкой ровных, один к одному зубов, как жемчужины в ожерелье, больше походил на иностранца, чем на местного бизнесмена. Отстаивая собственную позицию, он очень удивился мнению Саши, которого знал три десятка лет, иногда обращался за услугой (Меклер был известным редактором на телевидении, и не раз помогал с рекламой) и был уверен в поддержке товарища по учебе, как верят дети друг другу из одного подъезда.

– Ты в этот раз не прав. Или мы незаметно разошлись по разные стороны баррикад, – Саша театрально развел руки в разные стороны. – Реже встречаешься – меньше знаешь человека. Неужели ты не видишь, какими грубыми стали люди вокруг. Каким стало большинство: хамоватым, эгоистичным, наглым, жадным до денег. Сколько порядочных, интересных, умных людей покинули страну. Последние мозги утекают в Америку, Германию...

– Ты о чем?

– В смысле?

– О каких мозгах речь, если мы с тобой здесь? – Поруганов удивленно смотрел на товарища, искренне не понимая, о чем говорит Меклер.

Сашу никто не называл по отчеству, так как произнести Сигизмундович было сложнее, чем спеть православный псалом или прочитать китайский иероглиф. С другой стороны, укоренившаяся в кругах телевизионщиков привычка называть всех по именам, не взирая на возраст, доставляла большое удобство Саше, который недолюбливал свое отчество также, как и фамилию. В детстве его частенько звали во дворе одногодки Эклером. Многие ровесники кричали ему в след «Меклер-эклер», сознательно делая ударение на втором слоге. Саше это очень не нравилось, он обижался, пытался разобраться с обидчиками, кричал на них громче всех, и вызывал на кулачную дуэль за гаражи. На помощь спешила добрая бабушка, которая называла мальчика «Зайчиком», чем сильнее вгоняла его в краску и заставляла плакать по ночам. Дома «зайчиком» можно назвать, а на улице? Там парни и девчонки мигом придумают новое прозвище, от которого не отбиться...

– Сергей. Ты живешь в своем кабинете, машине и путешествиях. Изредка бываешь на встречах с подобными бизнесменами и давно не ездил в метро или трамвае. Там другие люди – россияне.

– Перестань! Люди у нас везде одинаковые. Они сотворили Великую победу. Они запустили в космос первого человека. Это люди-герои! И страна наша героическая... – Сергей Дмитриевич встал, прошел из угла в угол, шагами-циркулями, равномерно отсчитывая метры и чуть косолапя. Оттого он напоминал деревянный аршин, которым в старину мерили земельные участки. Он стал говорить долго, убежденно, как будто перед ним сидела огромная аудитория. Но слова его казались газетными лозунгами из прошлого века. Так вещали на советских радиостанциях и в новостных телепрограммах.

Саша смотрел на товарища и не слышал его аргументы. Прошлый век он сам хорошо знал, а новое время его огорчало. Только не личные детские обиды сегодня таились в нем, а нарастающая взрослая ненависть к окружающим людям. Не к знакомым, не к друзьям-ровесникам, а к случайным встречным, попутчикам, тем незнакомым, кого он про себя называл ядовитый планктон. Саша вспоминал вчерашнюю встречу с «обычными», как их называл Сергей Дмитриевич, людьми. Этот диалог он случайно услышал, не ведая того, кто его участники: мужчины или женщины, юные или средних лет. По голосу понять было совершенно невозможно, а содержание его поразило.

– Ты, че?

– А ты че?

– Ты, типа, кто? На кого прешь?

– Замолкни, тварь!

– Короче, щас звоню по мобиле и тебе пипец!

– Чмо, ты знаешь на кого наезжаешь?!

– Хавло закрой... Иначе пожалеешь.

Он увидел двух спорящих девушек-старшекласниц с рюкзаками на плечах и потерял дар речи. Ситуацию накалило сообщение на фейсбуке, где рассказывалось об избиении 15-летней девушки её сверстницами. Жутко было читать о том, как они её раздели догола, засняли избиение на видео и выложили в сеть.

«До какого состояния нужно опуститься, – чтобы потерять все человеческое, не став еще человеком, – думал Саша и вспоминал своих дочерей-погодок от второго брака. – Как мои девочки избежали этого. Или я чего-то в их жизни не знаю...»

Меклер прекрасно понимал, что в его окружении всегда были разные люди. Та добрая интеллигенция, которая выражалась правильным русским красивым языком и грамотными предложениями. И полная ей противоположность, со стилистически сниженной лексикой, грубым обхождением, грязными словами, поведением быдла. Он допускал, что такие люди есть в любой стране. Европейской или азиатской, может быть и в далекой Америке. Но ситуацию, в которой это нарастающее большинство так говорит и этими словами думает, он принять не мог. Сегодня утром ему нахамили в метро, в обед обозвали в подземном переходе и наступили на ногу. Причем, это сделала женщина. То возвышенное создание, на которое следует молиться, боготворить, носить на руках. А тут, все наоборот.

– Я решил уехать из страны. По твоей логике на 50 процентов сократится количество нормальных мозгов здесь. А где-то прибудет.

– Саша, перестань хохмить. Нигде ничего не прибудет и не убудет, потому что мы с тобой русские. Это вечная масса людей, на которых держится мир последние сто лет.

– Не сто, а семьдесят. И не факт, что держится. – Саша почесал за ухом, подумал немного и добавил. – Скорее не дает развалиться после Великой Победы. А все готовы растерзать то, что еще имеет цену.

– Вот видишь, ты сам говоришь о том, что наши люди стоят на страже мира! – Сергей Дмитриевич перестал мерить комнату своими аршинными шагами и сел напротив.

– Не так. Совсем не так. Наш народ, толпа, планктон, как назвал недавно мой оператор массовку, – это пушечное мясо. Огромные территории и миллионное население позволяло нашим царям и генеральным секретарям слать их на убой в полной убежденности, что на смену одним героям придут новые. А это не правильно. Жестоко...

– Это исторический выбор. И он оправдал себя.

Последнюю фразу произнесла Людмила Поруганова. Жена Сергея Дмитриевича вошла в комнату с небольшим металлическим подносом, расписанным под гжель. Голубенькие чашечки с ароматным чаем, блюдец с тарталетками и вазочка с вареньем умиляли своей изысканностью, как и сама хозяйка. В юности она работала в районном комитете комсомола, вышла замуж за Сергея и занималась долго детьми. Смогла освоить в эти годы английский и со своим финансовым образованием в девяностые годы вовремя включилась в зарождающийся в стране бизнес иностранцев. Через пару лет попала в совет директоров, подтянула мужа к себе и сегодня они вместе с инвесторами из Англии занимались этим делом самостоятельно и уверенно.

– Саша, в последнее время ты изменился. Часто молчишь, меньше смеешься. Почему? Чем тебе стали мешать россияне? – она всегда говорила с учительской ноткой в голосе. Как и муж, считала свою семью идеальной ячейкой общества. Но быстро забыла устав ВЛКСМ и КПСС, первой в семье зачастила в церковь, приучила к этим походам Сергея, подтянула детей, а внукам ничего уже не оставалось, как ходить к обедне, радоваться Пасхе, соблюдать пост и прочее.

Сашу удивляла такая резкая перемена у людей, прежде занимавших партийные должности с членским билетом в кармане. И не только у товарища по учебе, а и у многих других сверстников. Особенно его сместила ситуация с политработниками, где большинство из известных ему офицеров вмиг стали креститься с таким же усердием, как прежде отдавали воинскую честь.

– Мне они не мешают. Они – одни, я – другой. И мне здесь дискомфортно. – Саша почувствовал, что спорить в чужой семье, убежденной в личной правоте бесполезно. Ответы на свои вопросы он не найдет, а беспокойство, критику, обиду вызовет. Стоит ли обычный спор того, что бы портить отношения с людьми, которые долгие годы были тебе близки? – Если я не понимаю и не принимаю большинство, зачем с ним бодаться? Я уеду туда, где мне будет комфортнее?

– На историческую родину? К Красному морю? – съязвил Сергей Дмитриевич, хотя прекрасно знал, что фамилия Меклера в семье беспризорника деда оказалась случайной.

– На Бали или в Таиланд... – добавила Поруганова. – Будешь греть пузо и жить в свое удовольствие.

– Возможно. Но я остановился на Болгарии...

– Фиить! – Присвистнул Сергей Дмитриевич и чуть не поперхнулся чаем. – Болгария – не заграница, как курица не птица.

– Серега, я хочу уехать не для того, чтобы делиться впечатлениями об экзотических странах и фешенебельных отелях. Это вы с Любой возвращайтесь домой из-за границы и презентуете сотни фотографий, с диковинным комментарием «Все замечательно!» – Саша старался говорить спокойно и тихо, но внутри медленно закипал, как самовар. Он так порой и рассказывал знакомым про их отношения: «Серега – чайник, я – самовар», – вкладывая в слова внешний вид (высокий узкий чайник и толстый пузатый самовар), а не содержание. На «чайник» Поруганов обижался, как ребенок, которого обозвали дети в песочнице и забрали савочек. Он считал себя умным, ответственным и верил в свою незаурядность. – В Болгарии появилась новая

категория «обеспеченный пенсионер». С моими доходами и накоплениями мне должно быть уютно у моря жить и созерцать окружающую панораму.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.